

© 2022. И. А. Лобакова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Проявление авторского начала в русской историографии (на примере составителя исторической компиляции первой половины XVIII века)

Аннотация: Представления о жанровых границах материалов, получивших определение «эго-документы», к настоящему времени уже сложились. Однако, как представляется, необходимо учитывать, что с XVII в. появляются летописные сборники и исторические компиляции, в которых и отбор источников, и их объем, и редакторская обработка (или ее отсутствие) свидетельствуют о проявлении личного взгляда на события прошлого. С наступлением Петровского времени эта традиция не была прервана. В статье предпринята попытка показать на материале рукописного исторического свода первой половины XVIII в., какие средства могли использоваться составителем, редактором или писцом, чтобы выразить собственное отношение к минувшему. Анализ корпуса известий о правлении Ивана Грозного в этом памятнике позволил обнаружить, что им не только оставались комментарии на полях, но вносились дополнения в текст источника, добавлялись оценочные характеристики персонажей и их действий. Возвращение к волновавшим составителя редактора или писца темам приводило к хронологическим «словам», нарушавшим традиционную композицию исторического свода. Все эти приемы позволили проявиться в памятнике позднего летописания личностному началу в полной мере, что дает основание для рассмотрения его в ряду эго-документов.

Ключевые слова: эго-документ, автор, историография, рукописный летописный свод, Иван Грозный, митрополит Филипп, опричнина.

Информация об авторе: Ирина Анатольевна Лобакова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: irinairli@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.05.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.06.2022

Дата публикации статьи: 25.09.2022

Для цитирования: Лобакова И. А. Проявление авторского начала в русской историографии (на примере составителя исторической компиляции первой половины XVIII века) // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 132–149
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-132-149>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 132–149. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 132–149. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Irina A. Lobakova

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

On the Development of the Author's Principle in Russian Historiography (On the Example of the Editor of the Historical Compilation of the first half of the 18th century)

Abstract: Ideas about the genre boundaries of materials that have received the definition of “ego-documents” have already developed by now. However, it seems to be necessary to take into account that since the 17th century appear chronicle collections and historical compilations, in which both the selection of sources, their volume, and editorial processing (or lack of it) testify to the manifestation of a personal view of the events of the past. With the onset of Petrovsky time, this tradition was not interrupted. The article attempts to show on the material of the handwritten historical code of the first half of the 18th century what means could be used by the compiler, editor or scribe to express their own attitude to the past. An analysis of the corpus of news about the reign of Ivan the Terrible in this monument made it possible to discover that they not only left comments in the margins, but additions were made to the text of the source, and evaluative characteristics of the characters and their actions were added. The return to the topics that worried the compiler of the editor or scribe led to chronological “breaks” that violated the traditional composition of the historical code. All these techniques made it possible to fully manifest the personal principle in the monument of late chronicle writing, which gives grounds for considering it in a number of ego-documents.

Keywords: ego-document, author, historiography, manuscript chronicle, Ivan the Terrible, Metropolitan Philip, oprichnina.

Information about the author: Irina A. Lobakova, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: irinairli@mail.ru

Received: May 10, 2022

Approved after reviewing: June 27, 2022

Published: September 25, 2022

For citation: Lobakova, I. A. “On the Development of the Author's Principle in Russian Historiography (On the Example of the Editor of the Historical Compilation of the First Half of the 18th Century).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 3, 2022, pp. 132–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-132-149>

Объем исторических материалов, сохранивших личностный взгляд их авторов на события, свидетелем которых им пришлось быть, на места, которые им довелось увидеть, на известных лиц, с которыми они оказались связаны, достаточно значителен. Дошедшие до нас эго-документы¹ созданы в различных жанрах. Послания, поучения детям, записки, мемуары, личные письма, рассказы о паломничествах и путешествиях, автобиографические заметки и полные жизнеописания традиционно рассматриваются как эго-документы.

Представляется необходимым обратить внимание на то, что с учетом позиции составителей создавались и редактировались в XVII в. летописные своды и многочисленные летописцы. Данная рукописная традиция не прервалась с наступлением Петровской эпохи. Обращаясь к различным источникам, создатели новых исторических компиляций обнаруживали личностный взгляд на события прошлого через подборку заинтересовавших их известий и их объем (сокращение, сохранение текста неизменным или его распространение за счет других источников). Переработка рассказов привлекаемых ими памятников позволяет определить как отношение редактора к историческим фактам и лицам, так и его стилистические пристрастия. А если на полях создаваемых произведений были оставлены комментарии, то авторская позиция проявлялась со всей очевидностью.

Задача настоящей статьи — рассмотреть, какими средствами переписчик, редактор или составитель мог проявить собственное отношение к событиям прошлого.

¹ Обширная библиография по этому вопросу, обзор основных проблем в изучении эго-документов и их литературных особенностей представлена в содержательном исследовании И. А. Разумовой [Разумова: 156–181].

Интересный материал для исследования содержится в рукописи из собрания ОР РНБ, созданной после 1725 г.¹ В объемном манускрипте (722 листа) из собрания М. П. Погодина № 1417 большого формата (в половину александрийского листа) не сохранилось начальной части: первое известие исторического свода датируется 1261 г., на верхнем поле первого листа рукописи поставлено «386» (т. е. первоначально в ней было 1108 л.). На л. 1 почерком XVIII в. — владельческая запись «Іс (!) knig Grigoria Porova», на нижнем поле этого же листа имеется запись XIX в. Ф. Беяева. Большая часть рукописи написана крупной кругловатой скорописью черными чернилами.² На каждом листе манускрипта в чернильной рамке читаются записи, расположенные в хронологическом порядке. Иногда на полях встречаются написанные тем же почерком, но более мелко, традиционные писцовые вставки пропущенных слов или фрагментов текста.

Значительная часть рассказов, включенных в исторический свод, представлена в достаточно кратком виде, однако есть события, которые привлекли особое внимание переписчика.³ Основная часть рассуждений нашего писца (редактора) посвящена корпусу сведений о царствовании Ивана Грозного. Отметим, что среди источников о событиях

¹ Филигрань четко читается как герб в щите, поделенном на 6 (?) фрагментов. Щит увенчан рыцарским шлемом с перьями, на левом углу щита сидит маленький орел. С боков щит поддерживают 2 зверя, мало похожие на львов, больше напоминающие поджарых гончих. Ни в одном из известных альбомов филиграней аналогов обнаружить не удалось. Однако в записи на л. 718 об. (последний лист рукописи — 722) названы три великих государя, каждый из которых в раннем детстве лишился отца и был воспитан матерью, — князь Святослав, царь Иван Грозный и Петр Первый, что позволяет назвать нижнюю границу создания рукописи.

² Вторым — гражданским — почерком коричневыми чернилами написаны переработка Казанской истории, Послание Ивана Грозного Эрику Шведскому, известия о Ливонской войне и Сказание о приходе Стефана Батория на Псков [Лобакова 2022].

³ Однозначно ответить на вопрос о том, был ли переписчик редактором или даже составителем манускрипта, не представляется возможным: материал не дает оснований для бесспорных выводов. Можем лишь отметить, что нет стилистических различий между основным текстом и комментариями: поновление лексики было проведено последовательно на протяжении всего текста, потому есть основания полагать, что переписчик и редактор этого исторического свода — одно лицо.

того времени составителем был использован широкий круг памятников, в которых представлены разные взгляды на правление царя, порой — диаметрально противоположные: Степенная книга, Казанская история, Новгородская III летопись, первое послание А. М. Курбского и ответные послания Ивана Грозного, послание царя Эрику Шведскому, Житие митрополита Филиппа в Хронографической редакции из Летописного свода 1652 г., Соловецкий летописец¹.

Свое отношение к событиям царствования Ивана Грозного переписчик (редактор) смог выразить, внося в текст источника лексические дополнения различного объема: от отдельных оценочных слов до прямых комментариев на полях или собственных рассуждений внутри текста. Личностное отношение в наибольшей степени проявилось в известиях о казнях, об опричнине, о переписке с царем А. М. Курбского, о митрополите Филиппе и его конфликте с государем, о разгроме Новгорода Великого в 1570 г.

Первый такой фрагмент текста, в котором личностное отношение к произошедшему обнаруживается в лексических дополнениях, читается под 1552 г.: «Государь-царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ всея Руси велѣл на Москвѣ казнити на площадѣ торговых людей и гостей *многое множество* (выделено мною. — *И. Л.*)², идѣже нынѣ стоят храмы на Рву *на костях казненных и убиенных, на крови поставлены*»³. По сведениям других исторических источников, массовая казнь торговых людей состоялась в 1571 г. (в частности, с этим событием связан сюжет легендарной повести о Харитоне Белоулине)⁴.

Более явно проявляется авторское начало в рассказе о введении Иваном Грозным опричнины. В большинстве известных летописных памятников предельно лаконично сообщается о решении царя разделить свое царство, однако в разбираемом Летописном своде первой половины XVIII в. известие содержит не только лексические дополнения, но в нем читаются оценочные характеристики, которые позволяют рас-

¹ О Хронографической редакции Жития см.: [Лобакова 2001: 657–667].

² Здесь и далее курсивом в тексте выделены те фрагменты, на которые хотелось бы обратить особое внимание.

³ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 562 об.

⁴ Об истории изучения этого произведения, исторической основе его литературного сюжета см.: [Каган: 223–225].

крыться личностному пониманию этого явления более полно: «Лѣта 7071 великий государь-царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ всея Руси самодержецъ ввелъ опричину, а имянно: онъ поручилъ правление государства *для виду* бывшему хану Казанскому, нареченному во святомъ крещении Симеону. При томъ удержалъ онъ за собою *нѣкоторые города и мѣста, кои бы зависели безпрепятственно от повелѣнія его. Сии города назывались опричиною* (так! — И. Л.), *яко от прочаго государства отдѣленные*. Александрова слобода, гдѣ царь охотнѣе прочихъ мѣстъ пребывалъ, было главное мѣсто опричины. Опричника-ми же назывались люди тѣхъ мѣстъ, [коих можно почестъ за царскую гвардию]¹ <...> ибо государь хотель себя тѣмъ облегчить от тяжести правления и жизнь свою привести в безопасность. *Но опричники часть от часу болше начали своевольствовать, и какъ имъ подозрѣние царя на встѣхъ знатныхъ было извѣстно, то они старались болше оное увеличивать, нежели уменьшать, и на нѣкоторыхъ ложно доносили, дабы можно было имъ дѣлать по себѣ имѣнія осужденныхъ*»². Как видим, добавленные переписчиком слова о том, что власть над Русью была передана Симеону Бекбулатовичу «для виду», внесли в нейтральный текст авторское объяснение поведения царя: государь, как явствует из текста памятника, лицедействовал. Игра в его поведении, которую осознал переписчик (редактор), проявлялась и в его посланиях. Лицедейство как литературный прием в творчестве Ивана Грозного неоднократно отмечал Д. С. Лихачев [Лихачев: 265–288]. Ложные доносы, по мнению писца (редактора), стали возможны потому, что царь легко верил в измену знатных людей, а причиной наговоров была указана жадность опричников. Сравнение опричного войска с царской гвардией, которое читается на нижнем поле листа, свидетельствует о стремлении объяснить современникам архаизм своего источника.

Еще один способ проявить свое понимание случившегося — это прямое истолкование включенного в историческую компиляцию документа. Писец (редактор) исторического свода предварил послание А. М. Курбского небольшим предисловием, в котором привлек вни-

¹ Помещенный в квадратные скобки фрагмент текста источника вписан более мелким почерком под чернильной рамкой по нижнему полю листа.

² ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 574

мание читателя к теме несправедливости самодержца: «Князь Андрей Михайлович Курпской бѣжалъ в Литву изъ Юрьева Ливонскаго, а из Литвы к государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси к Москвѣ писалъ листъ *с великимъ поношением, изъявляющъ его, государя-царя и великаго князя Иоанна Васильевича многие содѣянные ему и другимъ великие обиды и притѣснения*»¹. Тема государевых казней воевод «без вины» поддержана помещенным в свод посланием Т. И. Тетерина и Марка Сарыгозина в Дерпт воеводе М. Я. Морозову. В нем, отвечая на обвинения боярина в изменническом бегстве в Литву, они отвергли возможность служить «злому гонителю» и предрекли воеводе, долгие годы верно служившему царю, скорую гибель по «злому навету» и беды его семье². Завершив переписку послания царю А. М. Курбского, послания Т. Тетерина и М. Сарыгозина воеводе М. Я. Морозову, писец оставил свое замечание под рамкой на нижнем поле листа: «Сии два писма ясно доказываютъ, что государь-царь Иванъ Васильевичъ *по опришнины и в протчем здѣлался запалчивъ и непосредственно грозенъ, болиши же посягателен на болиших бояръ и на чинъ иноческій, что покажет Великаго Новаграда погубление пристрашною опалою в лѣто 7078*»³. Для переписчика, таким образом, видимые перемены в нраве царя произошли после того, как он разделил государство. Важным является тот факт, что в исторических сочинениях, созданных после прихода к власти Романовых,⁴ «перемена» в характере Ивана Грозного, как правило, объяснялась смертью царицы Анастасии (начало такому объяснению положил сам царь во 2-ом послании к Курбскому, в котором поставил боярам в вину смерть первой жены, утрата которой и

¹ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 574 об.

² Отметим, они не ошиблись: боярин М. Я. Морозов был казнен летом 1573 г. вместе с женой Евдокией Дмитриевной (урожд. княжной Бельской) и двумя сыновьями Иваном и Федором.

³ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 576 об.

⁴ Поскольку первый Романов на престоле приходился Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой внучатым племянником и, соответственно, двоюродным племянником царю Федору Ивановичу, последнему в правящей династии Рюриковичей, родство это постоянно подчеркивалось, подтверждая «особые» права Романовых на престол. В связи с этим необходимость прославления царицы в начале XVII в. была вполне очевидна.

привела к «Кроновым жертвам»; мысль о благодатном влиянии Анастасии на нрав царя была поддержана в Хронографе 1617 г.). Впрочем, отношение к царице современников не было столь однозначным [Сапожникова: 144–162]. А. М. Курбский доброе начало в правлении царя Ивана связывал с Избранной радой, а в «Житии митрополита Филиппа» превращение государя в тирана объяснялось страхом царя, утратившим доверие к ближним [Лобакова 2021: 41–49]. Самым страшным деянием опричников во главе с царем переписчик (редактор) назвал разгром Великого Новгорода¹.

Важным для понимания отношения составителя к эпохе Ивана Грозного стало введение в повествование фигуры митрополита Филиппа. Подборка известий о нем дает представление о еще одном способе проявления личностного начала комментатора. Рассмотрим прием подробнее. Первоначально обнаруживается стремление отметить основные события жизни церковного иерарха, пытавшегося спасти страну и ее людей от разделения, а царя склонить к милосердию. Первое сообщение о святом опирается на сведения Соловецкого летописца и раскрывает его деятельность времен игуменства: «Повелѣниемъ игумена Соловецкаго Филипа Кулычева² написанъ образъ пресвятыя Богородицы, в молении Зосима и Савватий Соловецкие чудотворцы, со множеством икон которой нынѣ стоит в церкви преподобныхъ. Потом и другихъ множество святых иконъ его повелѣниемъ написаны»³. Далее в таком же нейтральном тоне следует ряд известий о строительстве игуменом Успенского и Преображенского храмов в монастыре, создании им системы каналов, которые позволяют осознать масштаб творческого начала в личности будущего митрополита. Достаточно кратко сообщается о новом этапе в жизни игумена: «Лѣта 7074 (1566) в великий постъ преподобный Филипъ, игумень Соловецкий, повелѣнием государя-царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Русии взять из Соловецкаго монастыря к Москвѣ на митрополию. В Солов-

¹ Внимание к событиям, связанным с Новгородом Великим, которое обнаруживается на протяжении всего свода, позволяет предположить, что писец (редактор) был по происхождению новгородцем.

² В таком написании фамилия Колычевых сохранена во всех упоминаниях источника.

³ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 455.

кахъ игуменомъ былъ 24 года»¹. Затем, рассказывая о поездке Филиппа в Москву, о встрече его с новгородцами, о достижении столицы и торжественном приеме его царем, писец (редактор) опирался в пересказе на текст 2-го вида Хронографической редакции Жития митрополита Филиппа [Лобакова 2006: 149–282].

Далее внимание составителя вновь возвращается к событиям в Новгороде, но под 1568 г. читается краткое известие, в котором отмечено недовольство царя митрополитом и названы имена двух участников, по государеву приказу пытавшихся собрать о бывшем игумене порочащие слухи: «В сентябрьѣ месяце былъ обыскъ на Соловахъ про Филипа митрополита. Обыскивал владыка Пафнутий Суздальский да князь Василей Пчемнинъ (так! — *И. Л.*)»². Эта тревожная по смыслу запись не вполне точна: участие в следствии принимал князь Василий Иванович Темкин-Ростовский, который в июле 1567 г. вернулся из ливонского плена и стал активным деятелем опричнины. По всей вероятности, «дело» митрополита Филиппа было своего рода проверкой князя на лояльность, которую в то время ему удалось пройти³. Частично удавшиеся попытки силой вырвать у некоторых иноков ложные «речи» на бывшего игумена стали поводом для изгнания Филиппа с митрополического престола и его ссылки: «А генваря въ 9-й Филипъ митрополит Московский и вся Руси в Москвѣ из соборной церкви *ругателно изгнанъ* и поточен во град Тверь въ монастырь, нарицаемый Отрочь»⁴.

К 1569 г. относится известие о том, что царь «уби брата своего двоюроднаго князя Владимира Андреевича», а сразу вслед за этой записью читаем: «*Гнѣвъ государевъ былъ на Соловецкой монастырь про Филипа митрополита и в опальъ* взяты из Соловковъ иноки...»⁵.

В сообщении о насильственной смерти митрополита Филиппа в 1570 г. были введены оценочные слова: «Лѣта 7078 декабря въ 23 день во Твери во Отрочи монастырь *удавленъ* бысть *неправедно* возглавиемъ святой Филипъ митрополит Московский Малютою Скуратовым, *повельниемъ* государя-царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея

¹ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 610.

² ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 612.

³ Он был казнен вместе с единственным сыном Иваном позже (в 1572 г.).

⁴ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 612.

⁵ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 613.

Русии, ъдучи плѣнити великаго Новаграда. Тамо *и погребенъ бысть неславно*¹. Митрополит, несправедливо задушенный по приказу царя Малютой, подчеркнута назван писцом святым.

Далее в рукописи следует полный текст Хронографической редакции Жития митрополита Филиппа 2-го вида, который раскрывает противостояние святителя и царя. В этой части составитель свода в качестве источника использовал Летописный свод 1652 г.² Важно подчеркнуть, что включение в историческую компиляцию Жития Филиппа впервые нарушает хронологический принцип изложения событий, который до этого неукоснительно выдерживался. Таким образом, еще одним способом проявления авторского начала в комментарии становится хронологический «слом», который возвращает читателя к 1507 г.: *«Сей бысть родомъ москвитинъ, славныхъ боляръ прозваниемъ Кулычевых, в лѣто 7025 во время великаго князя Василия Иоанновича во градъ Москвѣ от препосита нѣкоего именем Стефана Кулычева родися и наречен бысть Феодор»*³. Отметим, что в отличие от особенностей композиции, свойственной всем известным видам Хронографической редакции (ее текст был «разрезан» на фрагменты, которые оказались включены по хронологическому принципу в подборки других известий), в исторической компиляции XVIII в. текст произведения был переписан как единое целое. Более того, он не сокращался и не подвергался стилистической обработке, совпадая с источником практически полностью. Лишь одно добавление было сделано редактором: он завершил житийный текст фразой: *«От егоже святыхъ мощей многая и различная исцѣления всякими недуги одержимыми бываху»*⁴, которая свидетельствует о том, что переписчик был знаком с Пространными редакциями Жития, содержащими сказания о посмертных чудесах

¹ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 614.

² Летописный свод 1652 г. был выявлен А. Н. Насоновым, который обнаружил 8 списков памятника [Насонов: 483–486]. Предметом специального исследования памятник стал в работах А. В. Лаврентьева. Им сделан обзор списков и выделены редакции произведения [Лаврентьев 1981: 61–82]; рассмотрен свод как памятник русского летописания XVII в. [Лаврентьев 1984].

³ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 614.

⁴ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 621 об.

святого (вероятнее всего, с «Тулуповской»,¹ самой распространенной в рукописной традиции).

Включение Хронографической редакции Жития митрополита Филиппа в состав летописного свода 1-й половины XVIII в. позволило показать нравственное противостояние самодержца, который разделил свое царство, введя опричнину, и церковного иерарха, пытавшегося воззвать к милосердию государя и спасти людей разделенного царства. Убийство митрополита Филиппа по воле самодержца свидетельствовало о его пренебрежении к существовавшим представлениям о роли Церкви и ее иерарха в жизни государства.

Для составителя исторической компиляции разгром Великого Новгорода стал своего рода символом правления Ивана IV. В основу рассказа были положены сведения памятника летописания XVII в. — Новгородской III летописи, которые были помещены сразу после Жития Филиппа, смерть которого связывалась с отказом благословить царя на разгром города. Отметим, что в сводах было особо подчеркнуто, что гнев царя был прежде всего направлен на архиепископа Пимена и всех служителей церкви. Появление самодержца и его приближенных в Новгороде пришлось на один из великих (двунадесятых) праздников: «Месяца генваря в 7 день, на самый праздник Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа приѣхал в Великий Новѣград государь-царь и великий князь»². Не приняв благословения от новгородского иерарха, государь повелел заключить «за приставы» и архиепископа, и священников, и иноков монастырей, после чего в городе начались массовые грабежи, пытки и казни новгородцев. Затем Иван Грозный приказал грабить имущество окрестных сел и обитателей, а хлеб жечь и скот резать, что обрекало людей на голодную смерть. «Казнь» Великого Новгорода продолжалось более месяца: только 14 февраля государь, приказав явиться «изо всякой улицы по человеку», каждый из которых был уверен в близкой казни («отчаявшеся живота своего»), «возрѣв кротким и милостивым оком» на собравшихся и объявил о даровании прощения городу. Однако это не помешало ему уже после этого

¹ Анализу «Тулуповской» редакции Жития посвящена глава в специальной монографии, в ней же опубликован ее текст [Лобакова 2006: 41–98; 121–131]. Соотношению Пространных редакций Жития посвящена специальная работа [Лобакова, Сапожникова 2020: 236–299].

² ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 622.

отправить в Москву тех, кто не смог откупиться от наказания, а игумена Антониева монастыря Геласия вместе с 50-ю иноками после мучений казнить. Завершается рассказ о судьбе Новгорода горестной сентенцией: «В то время Божиимъ попущением *грѣхъ ради нашихъ бысть мятеж, и нестроение по всей Руской земли, и раздѣление царству, и крамола, и смерть, и людей преселение, и имѣнью отятие, и пожары великие по градом, и морь силенъ, и гладъ людемъ, и нашествие иноплемеником, и яко многие грады и села опустѣша*»¹. Данный фрагмент ориентирован на описание «казней Божиих» (разорение земли, голод, болезни, землетрясение, нашествие иноверных, смерть и запустение), которое в ранних летописных памятниках, как правило, предварило известие о междоусобицах или нашествии «поганных». Но в Летописном своде XVIII в. данное рассуждение было помещено в корпус сведений о царствовании Ивана Грозного, который подверг безжалостному разорению великий город и привел целую область своего государства к запустению.

Под 1583 г. читается еще одно сообщение, связанное с новгородской темой, источником которого был Соловецкий летописец: «Государь-царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ послалъ в Соловецкой монастырь в поминовение по новгородскихъ опальныхъ 1000 рублевъ денегъ»². Общая сумма на поминовение казненных, на первый взгляд, значительна (по царице Марфе Собакиной было передано 45 рублей), но редакторский знак после слова «опальныхъ» отсылает к нижнему полю листа, где под рамкой указана цифра 753. Помета позволяет переписчику (редактору) показать, что на помин каждого погибшего из тех, что были записаны по царскому указу, пришлось по 1 рублю с третью.

Своеобразно изложенный сюжет о гибели царевича Ивана Ивановича дополнен в Своде оценочными словами в тексте и комментариями на полях, которые передают отношение к убийству царем собственного сына: «У царя и великаго князя Иоанна Васильевича всяя Русии *от жестокаго его сердца* над сыном его болшимъ, царевичемъ Иоанномъ Иоанновичемъ учинилася несчастливая притчина, яко царь Иванъ Васильевичъ зѣло разгнѣвался на него и жезлом своимъ острымъ *съ яростию нападе*.

¹ Там же. Л. 624 об. – 625 об.

² Там же. Л. 713.

Онъ же хотяше ему поклонитися по обычаю, но царь упреди *жезломъ: в самое горло прободет*. Гдѣ царевичъ паде на землю, к томъже припала ему смертельная язва, от которой ноября въ 19 д<ень> преставися в Москвѣ сей благовѣрный и христоробивый царевичъ и великий князь Иоаннъ Иоанновичъ в день неделный въ 14 часъ нощи и погребенъ бысть тогожъ месяца въ 22 д<ень> в среду въ Архангельском соборѣ в предѣлѣ къ югу»¹. Над последним словом поставлен редакторский значок и по нижнему полю листа под рамкой читаем: «Оттого-то и зашло поношение: *“Лутче быть понамарем, нежели царским чадом”*». Гибель сына и наследника из-за жестокости и ярости царя становится для последнего, по мнению комментатора, своего рода наказанием: гибель царевича, с которым были связаны все его надежды, поставила под угрозу продолжение династии. Именно поэтому, как представляется, далее сообщено о двух женах царевича, которые были пострижены при жизни мужа: Евдокии Богдановне Сабуровой (была женою около года, в инокинях Александра) и Федосье Михайловне Солово (после почти 4-х лет брака была пострижена с именем Прасковья; в некоторых источниках — Пелагея). Не названной оказалась третья жена — Елена Ивановна Шереметева, потерявшая ребенка и ушедшая в монастырь после смерти мужа (приняла постриг с именем Леонида)². Таким образом, было подчеркнуто, что старший любимый сын царя не оставил после себя наследника. И, пусть не прямо, но мысль о том, что Иван Грозный стал виновником трагического (и для себя самого, и для династии) события в сюжете прочитывается. Отметим, что в тексте свода рассказ о гибели Ивана Ивановича оказался дополнен иной версией гибели царевича, которая связала это

¹ Там же. Л. 630.

² Отметим, что в этой исторической компиляции перечислены только 5 жен царя Ивана Грозного: Анастасия Романовна, Мария Темрюковна, Марфа Собакина, «Дарья Ивановна Колтовская пострижена на Тихфинѣ во время строгаго наказания новгородцов» (царицу до пострига звали Анной, Дарья — ее иноческое имя) и Марья Нагая. Пропущено имя Анны Алексеевны Васильчиковой, пятой жены царя, после свадьбы с которой государь женил сыновей: Ивана вторым браком, а Федора на Ирине Годуновой. Через год и царица Анна была пострижена в монахини в Покровском Суздальском монастыре. А вместо трех дочерей Ивана Грозного, умерших в младенчестве (Анны, Марии и Евдокии) перечислены только две, причем имя второй, которое писалось традиционно под титулом, прочитано неверно: «Анна и Илария» (л. 719).

событие с разгромом Великого Новгорода: «Индѣ повѣствуется, что сей царевич еще *во время строгаго наказания новгородцовъ получил себѣ язву, которая была смерти его причиною*»¹.

Рассказ о смерти Ивана Грозного читается под 1584 г. В нем предпринята попытка представить все значительные деяния государя как разрушительные, так и благие: «Марта въ 19 день за полтора часа до вечера в Москвѣ преставися благовѣрный государь-царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ, всея Руси самодержецъ грозный. Царствовалъ 50, а жилъ 54 лѣта <...> кромѣ вышеписанных в жизни ево дѣлъ, бысть *бодрой, остроумной и храброй государь*. Бысть же чрезвычайно крутого нраву...»². Причем писец (редактор) дополняет исторические известия своими объяснениями и оценками: «... обычай его совсѣм переменялся, а особливо, что *многие бояре, желая дочерей своих или сродницъ видѣть за государемъ в супружествѣ, разными смутами такъ духъ его обезпокоили, что наподобие внезапной бури востала в немъ безмѣрная запалчивость. Новгородцовъ же казнили несказанно свирѣпымъ наказаниемъ. И сына своего царевича Иоанна Иоанновича зашиб в крутомъ гнѣвѣ*, что после краткой болѣзни было смерти его виновно. И по таким строгостямъ назван онъ царь Иванъ Васильевич Грозный. *Его повелѣниемъ началось в Москвѣ печатание книжное. При конце жизни его взято Ермаком Тимофѣвичемъ царство Сибирское...*»³. В исторических источниках назывались две даты смерти государя — 18 и 19 марта. В приведенном фрагменте очевидна последовательная стилистическая правка: в тексте появились и канцеляризмы («вышеписанных в жизни ево дѣлъ», «особливо», «чрезвычайно», «строгости»), и лексика нового времени («бодрой», «остроумной», «видѣть за государемъ в супружествѣ», «обезпокоили», «безмѣрная запалчивость», «зашиб» и др.). Переписчик (редактор) попытался объективно оценить итоги правления Ивана Грозного, перечислив и разрушительные действия царя, и его успешные деяния, опираясь в этой части своего свода на Хронограф в редакции 1617 г.⁴

¹ ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 630.

² Там же. Л. 716.

³ Там же. Л. 716–716 об.

⁴ В попытке такой объективной оценки царствования самодержца наш писец (редактор) следует традиции, появление которой связывают с

Но переписчик (редактор) не смог остановиться на перечислении «славных побед» государя. Завершая в своем историческом своде корпус сведений о правлении Ивана Грозного, переписчик вновь вернулся к уже использованному им приему «слома» хронологии для того, чтобы еще раз высказать свое отношение к опричнине: он вернулся к 1566 г. — обстоятельствам введения опричнины и ее итогам: «Все же сии попущением Божиимъ содѣяся за умножение греховъ нашихъ, яко царь Иванъ Васильевичъ в прошедшее 7074 лѣто, егда супротивникъ обрѣтется и наполнися гнѣва и ярости. Тогда нача подвластных своих, суищих раб, злѣ и немилостивно гонити и кровь ихъ проливати, и царство свое, порученное ему от Бога, раздѣли на двѣ части. Часть едину себѣ отдѣли, другую же часть — царю Симиону (так! — И. Л.) Казанскому поручи. Сам же отиде во един малых градовъ, Старицу зовомый, и тамо жителствуя, прозва свою часть людей опришнина, а другую часть — царя Симеона — именована земщина. А заповѣда своей части оную часть насилovati и смерти предавати, и дома их грабити.¹ И воевод, данных ему от Бога, без вины убивати повелѣ. Не усрамися же и святительскаго чина: овых убивая, овых заточению предавая. И так многая лѣта во дни живота провожда, уже и на конецъ старости пришед, нрава же своего никакже не примени»². Как видим, очередная попытка вернуться к осознанию начала бедствий Руси не только выделила данный фрагмент композиционно, но позволила предельно четко выразить собственное отношение к описанным событиям, подведя своеобразный итог царствованию Ивана Грозного. В сознании переписчика (редактора) и царство, и воеводы равнó были даны царю от Бога, однако ни разделенное царство, одна часть которого беспощадно разоряла и уничтожала другую, ни полководцы, без вины казненные

Временником Ивана Тимофеева, в котором прямо декларирована необходимость назвать и дурное, и хорошее в личности каждого царя.

¹ Исследования современных историков, основанные на документальных свидетельствах, позволяют утверждать, что разделение не было неизменным: царь периодически менял состав опричнины и земщины: перемещая представителей одного рода или фамилий, связанных между собою родством или свойством, в разные части разделенного царства, Иван Грозный разрывал родственные и дружеские связи, превращая близких людей в орудие казни друг друга [Павлов 2006].

² ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1417. Л. 717 об.

государем, не были им сохранены. Святители разделили общую судьбу паствы: их сан не был защитой от гнева самодержца. Долгие годы жившее в страхе царство он оставил наследнику Федору Ивановичу обезлюдевшим, разоренным, без лучших воевод, с ближними боярами, утратившими прочность родственных и личных связей, привыкших думать лишь о личном спасении.

Таким образом, в Летописном своде первой половины XVIII в. правление Ивана Грозного стало предметом личностных размышлений и оценок писца (редактора). Авторская позиция нашла выражение в сложной системе комментариев. И подборка известий, и оставленные замечания на полях, и введенные в текст дополнения, и оценочные характеристики, и хронологические «сломы», нарушавшие традиционную композицию, но подчеркивающие наиболее значимые для комментатора события, — все это позволяет достаточно точно увидеть, какими приемами пользовался комментатор для того, чтобы предельно точно выразить свое понимание исторических событий, превратив его историческую компиляцию в эго-документ.

Список литературы Исследования

Каган М. Д. Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. С. 223–225.

Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 23 с.

Лаврентьев А. В. Списки и редакции летописного свода 1652 г. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России: Сб. статей. М.: Ин-т Истории СССР, 1981. С. 61–82.

Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1975. 366 с.

Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 306 с.

Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа в составе летописно-хронографических сводов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: ИРЛИ РАН, 2001. Т. 52. С. 657–667.

Лобакова И. А. Страх — жестокость — насилие — страх: Об объяснении поступков Ивана Грозного в литературе XVI–XVII вв. // Неканоническая эстетика. СПб.; М.: ООО «Сам Полиграфист», 2021. Вып. 8. С. 41–49.

Лобакова И. А., Сапожникова О. С. Еще раз о редакциях Жития митрополита Филиппа: Нова ли «неизвестная прежде» редакция памятника // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. Вып. 21. С. 236–299.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М.: Наука, 1969. 556 с.

Павлов А. П. Эволюция государева двора в 60-х – начале 80-х гг. XVI в. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 217–227.

Разумова И. А. От эго-документа к «литературному» факту // Слоvesность и история. 2020. № 2. С. 156 – 181.

Сапожникова О. С. «Царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксе»: Об одном уподоблении в кругу Ивана Грозного // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2020. С. 144–162.

References

Kagan, M. D. “Povest’ o tsare Ivane Vasil’eviche i kuptse Kharitone Belouline” [“The Tale of Tsar Ivan Vasilyevich and the Merchant Khariton Beloulin”]. *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Russia], issue 3: XVII v. [17th Century], part 3. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, pp. 223–225. (In Russ.)

Lavrent’ev, A. V. *Svod 1652 g. — pamiatnik russkogo letopisaniia XVII v.* [Code of 1652 — a Monument of Russian Chronicle Writing of the 17th Century: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1984. 23 p. (In Russ.)

Lavrent’ev, A. V. “Spiski i redaktsii letopisnogo svoda 1652 g.” [“Lists and Editions of the Annals of 1652”]. *Istochnikovedcheskie issledovaniia po istorii feodal’noi Rossii* [Source Studies on the History of Feudal Russia]. Moscow, Institut Istorii SSSR Publ., 1981, pp. 61–82. (In Russ.)

Likhachev, D. S. *Velikoe nasledie: Klassicheskie proizvedeniia literatury Drevnei Rusi* [The Great Heritage: Classical Works of Literature of Ancient Russia]. Moscow, Sovremennik Publ., 1975. 366 p. (In Russ.)

Lobakova, I. A. *Zhitie mitropolita Filippa: Issledovanie i teksty* [The Life of Metropolitan Philip: Research and Texts]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 306 p. (In Russ.)

Lobakova, I. A. “Zhitie mitropolita Filippa v sostave letopisno-khronograficheskikh svodov” [“The Life of Metropolitan Philip as Part of Chronicle-Chronographic Codes”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 52. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2001, pp. 657–667. (In Russ.)

Lobakova, I. A. “Strakh — zhestokost’ — nasilie — strakh: Ob ob”asnenii postupkov Ivana Groznogo v literature XVI–XVII vv.” [“Fear — Cruelty — Violence — Fear: On the Explanation of the Actions of Ivan the Terrible in the Literature of the 16th–17th Centuries”]. *Nekanonicheskaia estetika* [Non-canonical Aesthetics], issue 8. St. Petersburg, Moscow, OOO “Sam Poligrafist” Publ., 2021, pp. 41–49. (In Russ.)

Lobakova, I. A., Sapozhnikova, O.S. “Eshche raz o redaktsiakh Zhitii mitropolita Filippa: Nova li ‘neizvestnaia prezhdē’ redaktsiia pamiatnika” [“Once Again about the Editions of the Life of Metropolitan Philip: Is the ‘Previously Unknown’ Edition of the Monument New?”]. *Ocherki feodal’noi Rossii [Essays on Feudal Russia]*, issue 21. Moscow, St. Petersburg, Al’ians-Arkhēo Publ., 2020, pp. 236–299. (In Russ.)

Nasonov, A. N. *Istoriia russkogo letopisaniia XI – nachala XVIII veka [The History of Russian Chronicle Writing in the 11th – Early 18th Centuries]*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 556 p. (In Russ.)

Pavlov, A. P. “Evoliutsiia gosudareva dvora v 60-kh – nachale 80-kh gg. XVI v.” [“The Evolution of the Sovereign’s Court in the 60s – Early 80s of 16th Century”]. *Praviashchaia elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.: Ocherki istorii [The Ruling Elite of the Russian State in the 9th – Early 18th Centuries: Essays on History]*. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 217–227. (In Russ.)

Razumova, I. A. “Ot ego-dokumenta k ‘literaturnomu’ faktu” [“From Ego-Document to ‘Literary’ Fact”]. *Slovesnost’ i istoriia*, no. 2, 2020, pp. 156–181. (In Russ.)

Sapozhnikova, O. S. “‘Tsaritsu Anastasiiu, vami upodobliaemuiu Evdokse’: Ob odnom upodoblenii v krugu Ivana Groznogo” [“‘Queen Anastasia, you Liken to Eudoxa’: About One Likening in the Circle of Ivan the Terrible”]. *Aktual’nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniia i arkheografii: K 90-letiiu N. N. Pokrovskogo [Actual Problems of National History, Source Studies and Archeography: On the 90th Anniversary of N. N. Pokrovsky]*. Novosibirsk, Institute of History of Siberian Branch of RAS Publ., 2020, pp. 144–162. (In Russ.)